

ERICH FROMM'S DREAM OF A HEALTHY SOCIETY AND INFORMATION TECHNOLOGIES

V.V. Bulanov

Tver state medical university, Tver

Abstract. *The article proves that achieving Erich Fromm's dream of creating a healthy society is incompatible with the massive use of information technology. According to Fromm, the values on which a healthy society should be based are related to biophilia. According to Fromm, the modern worship of technology and information technology indicates the influence of one of the forms of necrophilia, the antipode of biophilia. This worship is manifested in the fact that now the elements of necrophilia are expressed even more clearly in the emerging digital person than in the cybernetic personality of a fan of technology.*

Keywords: *healthy society, biophilia, necrophilia, cybernetic personality, digital person.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, Тверской государственный медицинский университет, г. Тверь, Россия; e-mail: althotas3111978@mail.ru

About the author:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – doctor of philosophy, associate professor of the department of philosophy and psychology with courses in bioethics and history of the fatherland, Tver State Medical University, Tver, Russia; e-mail: althotas3111978@mail.ru

УДК 316.62

ПОЛИТИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОКТЯБРЬСКИХ СТОЛКНОВЕНИЯХ 1905 ГОДА

С.В. Лавриков

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Лавриков С.В., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-2-8-16

Аннотация. *В статье на основе широкого круга опубликованных источников, работ современных исследователей рассмотрена цветовая, вербальная, музыкальная политическая символика противоборствующих сил левого и правого толка в ходе октябрьских столкновений и погромов 1905 года. Отмечена важная роль политической символистики, позволившей антиправительственным и проправительственным силам декларировать свои цели, обеспечивать солидарность и мобилизацию массовой поддержки. Сделан вывод о том, что политическая символика хотя и выступала конфликтогенным фактором, но в то же время не*

являлась основной причиной октябрьского противостояния, которое было обусловлено более глубоким комплексом противоречий, имевшихся в России в начале XX века.

Ключевые слова: *политическая символика, вексиллология, столкновения и погромы 1905 года, революционно-демократическое движение, черносотенство.*

Вторая половина октября 1905 года ознаменовалась масштабным гражданским противостоянием, выразившимся в столкновениях противоположных революционных и консервативных общественно-политических сил. Этому сравнительно небольшому по времени периоду посвящен значительный объем исследовательских работ, в которых выявлены социально-экономические, политические, межнациональные и другие причины октябрьского противостояния, проанализирован ход событий, показано участие в них разных политических сил, представителей власти, уточнено количество погибших и пострадавших, оценен материальный ущерб. В меньшей мере в известной автору отечественной литературе освещен ментальный аспект октябрьских событий. В частности, практически не исследован такой важный детерминант политического поведения, как политическая символика, влияние которой особенно возрастает в периоды социальных и культурных потрясений. Тем более позднее и власти и правая публицистика утверждали, что именно кощунство и осквернение святынь революционерами «вызвало страшное негодование русских людей» и стало причиной погромов и беспорядков. «На евреев, – писала газета «Киевлянин», – обрушилась месть за оскорбление народных чувств революционерами» [16, с. 244]. Настоящая публикация призвана в определенной мере восполнить пробел в изучении политико-символической стороны политического процесса этого периода. Ее основная цель – показать политическую атрибутику противоборствующих сил, проанализировать фактор политической символики в ходе октябрьских столкновений и погромов 1905 года.

Обнародование Высочайшего манифеста об усовершенствовании государственного порядка позволило революционно-демократическим силам взять инициативу в свои руки. На этом этапе они в полной мере использовали мобилизационный потенциал политической символики, главную роль в которой играли красные флаги, по традиции, идущей еще со времен Великой французской революции, олицетворявшие протест, революционную борьбу, левый фланг политического спектра. Однако на уровне массового сознания восприятие кумачового колера не было столь однозначным. «Многие из публики, – подчеркивалось в материалах официального расследования погрома в Киеве, – сначала не понимали значения красных флагов и красных бантиков, считая красный цвет символом радости по поводу дарованных народу милостей ...» [4, с. 223].

Тем не менее красными флагами атрибутировались все многочисленные массовые мероприятия революционно-демократического характера в эти дни.

Весьма типичной была картина, описанная большевиком И.В. Шауровым, принимавшим участие в революционной демонстрации и митинге в столице 18 октября: «Прошли по Выборгской стороне, затем по Литейному, вышли на Невский проспект и увидели группу людей, стремительно шедших к Невскому по Владимирскому проспекту. Они несли пять-шесть небольших красных флагов. Вслед за этой группой двигалась другая, примерно такой же величины и также с флагами. Группы эти завернули на Невский, тут же слились в одну и с необычайной для демонстрации быстротой двинулись дальше» [6, с. 309]. Описывая митинг у Казанского

собора, Шауров охарактеризовал его как «сплошное человеческое море». «Площадь и Невский в оба конца, насколько было видно, – все это была густо сплотившаяся масса народу. Над этим людским морем реяли красные знамена, звучали революционные песни» [6, с. 311]. В некоторых местах «краснофлажная» митинговая атрибутика дополнялась анархистскими черными стягами.

Наряду с флагами демонстранты использовали и транспаранты (широкие полосы материи, закрепленные на двух древках). Корреспондент «Русских ведомостей» отметил наличие таких средств наглядной агитации из белой материи с надписями «Амнистія» и «Да здравствует свобода» у московских демонстрантов 18 октября [12]. Довольно часто флаговая атрибутика сочеталась с вербально-лозунговой символикой. «Долой самодержавие!», «Долой Царя!», «Да здравствует революция!», «Слава борцам, павшим за свободу!», «Ура, социал-демократическая республика!» то и дело пестрели на флагах», – писал правый публицист А.С. Шмаков [9, с. 291]. На полотнищах могли встречаться и надписи или аббревиатуры, указывающие на партийную принадлежность баннера. Нередко красные флаги поднимали на длинных шестах высоко над толпой, усиливая тем самым их визуальную доступность [4, с. 225].

Консолидирующую роль в революционных кругах играла и музыкальная символика. Наиболее часто участники митингов исполняли «Марсельезу», которая, однако, могла «считываться» двояко. В классическом варианте она апеллировала к патриотическому настрою французского гимна, тогда как в версии русской «Рабочей Марсельезы» призывала к бескомпромиссной политической борьбе [2, с. 29]. Звучали на митингах и другие революционные песни, например «Дубинушка». Один из участников такого политического мероприятия в Москве позднее вспоминал: «Около оратора запели: “Вы жертвою пали в борьбе роковой...” Это пение было нестройно подхвачено по всей площади: тогда еще масса не умела петь революционные песни, не знала слов» [5, с. 403].

Одновременно с флаговой символикой участники левodemократических шествий широко использовали производные от флагов символы революции – красиво оформленные лоскуты красной материи. «Большая часть участников (шествия – С.Л.), – писала газета «Русские ведомости», – имела красные ленточки в петлицах пальто, шапках, фуражках, на рукавах, у некоторых даже были затянуты красными лентами околыши фуражек» [12]. Сходную картину будущий лидер правых В.В. Шульгин наблюдал в Киеве в первый день «конституции»: «Откуда-то появились барышни в красных юбках. С ними соперничали красные банты, кокарды, перевязки» [15, с. 79].

Аналогичную мобилизующую и спланивающую роль играла политическая символика в среде антиреволюционных, консервативных сил, которые осенью 1905 года представляли собой неорганизованную стихию. В качестве символов монархически настроенные граждане использовали государственные флаги, портреты императора, иконы, хоругви, недвусмысленно указывавшие на их патриотическую, самодержавно-монархическую и религиозную идентификацию. В Нижнем Новгороде и Владимире черносотенцы в октябре 1905 года несли белые флаги, по французской традиции олицетворявшие монархию и ее божественное происхождение. Причем на знамени владимирских монархистов имелась красная надпись «Долой республику!» [13, с. 95, 155]. В Уфе массовая патриотическая манифестация 23 октября проходила под трехцветными и белыми флагами с надписями: «Боже Царя храни!», «Да здравствует Царь свободного народа!». Здесь же был замечен флаг с изображением черного двуглавого орла на желтом фоне.

Правомонархические шествия, контрманифестации, как правило, сопровождались пением государственного гимна «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди

Твоя». В.В. Шульгин следующим образом описал свою встречу с многочисленной монархической процессией: «Патриотическая манифестация. Хоругви, кресты... Затем торжественно несомые на груди портреты государя, государыни, наследника... Важное, как бы церковное шествие... Вроде как крестный ход. Поют? Да – гимн. <...> Процессия медленно протекает, сопутствуемая огромными толпами. Гимн сменяется – “Спаси Господи...”. Прошли» [15, с. 98].

Интересно, что несколько позднее правомонархические идеологи переинтерпретировали «краснофлажную» символику своих противников. «...Замыслили недруги порядка, – говорилось в одной из прокламаций, – враги хищные и коварные, погубить Святую Русь, расшатать устои вековые, Веру Православную, водрузить знамя красное на Святой Руси, кровью Царя-Освободителя обагрённое. Восстание они проповедают, революцию, республику-самовольщину... Кто поднимет красное знамя, тот поднимет Символ крови» [3, с. 154].

Для «черносотенцев» день и место сбора носило символический характер. Монархические манифестации часто начинались у стен храмов. В г. Нежине (Черниговская губерния) 21 октября в день восшествия на престол Императора Николая II в соборе состоялось богослужение, после которого «огромная толпа крестьян» «с церковными хоругвями и несколькими портретами Государя во главе», направилась к зданию филологического института, где с 18 октября происходили революционные митинги [7, с. 148]. Противники «черной сотни» из левого лагеря, видели в таких верноподданнических акциях потенциальную угрозу своему влиянию и поэтому пытались воспрепятствовать их проведению. 18 октября урядник и директор краматорского машиностроительного завода (Харьковская губерния), для того чтобы успокоить рабочих, решили организовать молебен в честь царя, даровавшего народу «конституцию». Члены РСДРП решили сорвать молебен. «Когда поп провозгласил: “Императору нашему многие лета!” – старый рабочий Григорий Журба демонстративно разорвал портрет царя и стал топтать его ногами. Другой рабочий, Лука Яндовский, поднял красное знамя и крикнул: “Долой самодержавие! Да здравствует революция!”, запел “Марсельезу”, ее подхватили почти все рабочие» [8, с. 308].

В рассматриваемый период антиправительственные силы широко эксплуатировали демонстративную составляющую политической символики, с помощью которой подтверждался факт общественно-политических изменений, отрицались символы государственной власти. Революционная атрибутика водружалась на официальные здания, ею обозначались места проведения массовых мероприятий. «На думе взвился красный флаг, а около Городской думы открылся митинг», – отмечал О.А. Пятницкий, вспоминая события 18 октября в Одессе [8, с. 332]. В Москве «один студент забрался на самый верх столба от электрического фонаря и укрепил там красный флаг: такие же флаги оказались скоро на столбах у генерал-губернаторского подъезда» [12].

Красные демонстранты требовали от чиновников и военных публично выражать уважение «знакам свободы». В ходе уже упоминавшихся выше событий 18 октября в Москве «...к дому генерал-губернатора (П.П. Дурново – С.Л.) ... подошла огромная демонстрация с красными знаменами и потребовала выхода генерал-губернатора к демонстрантам. Он вышел на балкон с непокрытой головой, держа фуражку в руках; по обеим сторонам его стояли два адъютанта, держа руку под козырек, как бы отдавая честь красным знаменам» [5, с. 405]. В Одессе группа демонстрантов заставляла военных снимать шапки перед революционными флагами. В Киеве «в толпе, – писал В.В. Шульгин, – очень гонялись за офицерами, сляясь нацепить им красные розетки».

Однако такие действия не отличались враждебностью – напротив, тех, кто согласился прикрепить революционную символику, «хватали за руки, качали, несли на себе... Кое-где были видны беспомощные фигуры этих едущих на толпе...» [15, с. 79]. В то же время настроения возбужденных киевских революционеров могли быстро поменяться. С проезжавшего мимо священника, отказавшегося снять шапку, ее сбили палками [4, с. 224].

Радикальное отрицание старой символики и утверждение новой ярко проявлялось в отношении антиправительственных манифестантов к национальным флагам. «Какой-то подросток, – вспоминал находившийся в столице Л.Д. Троцкий, – снял с ворот трехцветное знамя вместе с древком, оборвал синюю и белую полосы и высоко поднял красный остаток “национального” флага над толпой ... Он нашел десятки подражателей. Через несколько минут множество красных знамен поднималось над массой. Белые и синие лоскуты валялись везде и всюду, толпа попирала их ногами...» [8, с. 247]. В Москве «толпа шла с пением Марсельезы и с красными флагами, которые получились таким образом: начиная с Охотного ряда и по всей Тверской шедшие стали снимать вывешенные флаги, обрывать у них синие и белые полосы и оставлять только красные» [12].

Революционно настроенные манифестанты не менее презрительно относились и к такому атрибуту монархической власти, как царские портреты. В революционной среде осквернение портрета считалось доблестным поступком. Иногда слухи об уничтожении портретов не подтверждались, но имели место и действительные факты такого рода, отмеченные мемуарными и другими источниками. В частности, один из очевидцев позднее вспоминал: когда он вошел в здание городской думы в Одессе, то увидел, что «кое-где были сняты и порваны царские портреты ...» [8, с. 332]. В Ярославле на митинге в земской управе один из его участников публично разорвал монарший портрет [11]. В Киеве революционная толпа уничтожила императорские портреты в помещении университета, затем захватила здание городской думы, разорвала в зале заседаний портреты Николая II и его предков, сломала императорскую корону и вензеля [4, с. 224, 227].

Для монархически настроенных граждан царские портреты и другие регалии имели символическое значение. Именно осквернение святынь часто становилось поводом к расправе со «смутьянами». Черносотенцы стремились восстановить поверженные символы, причем их действия зачастую повторяли приемы левых в «зеркальном» формате. Так, в Нежине толпа крестьян ворвалась в филологический институт, где ранее проводились митинги, и потребовала от студентов вынести портрет государя к собору. По дороге к храму учащиеся должны были петь государственный гимн. У всех учреждений, где были «растерзаны портреты Государя», «под грозным взглядом крестьянства» звучание гимна становилось более громким. На площади перед собором студенты были вынуждены, стоя на коленях, принести верноподданническую клятву, а затем подходить к портрету, становиться на колени и целовать его [7, с. 149].

В Астрахани монархисты задержали подозреваемого ими революционера, заставили встать на колени, поцеловать царский портрет и пропеть «Боже, Царя храни» [9, с. 158]. Иногда такие акции не обходились без кровопролития. Например, в Москве черносотенцы вытащили из вагона конки члена боевой организации социал-демократов и убили за то, что он отказался снять шапку перед манифестацией. Видимо, по той же причине они избили и сбросили с Каменного моста в Москву-реку студента. «Заступавшихся за избиваемых тоже избивали, иногда убивали» [5, с. 409].

При попытке оказать сопротивление, особенно когда оно превышало пределы необходимой самообороны, действия толпы быстро приобретали агрессивный

характер. В Иваново-Вознесенске монархические манифестанты потребовали от группы социал-демократов снять шапки перед царским портретом. В ответ вожак эсдеков назвал царя сволочью, выстрелил в портрет, попутно поразив насмерть портретоносца и еще одного человека. Разъяренная толпа жестоко избила мужчину, который выжил только благодаря своей феноменальной физической выносливости [13, с. 97].

Политическая символика позволяла участникам октябрьских столкновений сразу распознавать «своих» и «чужих». «19 октября 1905 года на Кафедральной площади большевики Екатеринбурга, – вспоминал один из руководителей местных боевых дружин, – организовали многолюдный митинг. Черносотенцы, убедившись, что у нас не было никакого оружия, бросились на участников митинга и стали их избивать ... Вдали, за плотиной, показалась с большим красным флагом демонстрация учащихся. Озверелые черносотенцы бросились ей навстречу и подвергли мирно шедших учеников кровавому избиению» [8, с. 358]. Бывший конногвардеец Н. Михалин, заметив красный флаг в руках Н.Э. Баумана, ехавшего на пролетке с агитационной целью к рабочим, вступил с последним в потасовку. Борьба за флаг привела к трагической развязке и гибели руководителя московских большевиков.

Политические символы ориентировали своих сторонников и в силовой фазе конфликта. «Состоявшаяся сегодня (19 октября – С.Л.) в концертном зале политическая демонстрация, по сообщению Российского телеграфного агентства из Феодосии, повела к кровопролитному столкновению между демонстрантами и толпой, вошедшей в залу с национальными флагами и портретом Государя Императора... Анти-демонстранты с кольями набросились на выходивших из зала... началось кровавое избиение... Число убитых и раненых огромное, – точно определить пока трудно...» [3, с. 152–153].

В ходе столкновений противоборствующие стороны старались поразить прежде всего непосредственных носителей вызывавшей раздражение символики, захватить и уничтожить последнюю. Участник перестрелки между революционерами и черносотенцами у Казанского собора в Петербурге 18 октября писал, что «...видел средних лет мужчину в распахнутом пальто с трехцветным флагом. Когда раздались выстрелы, он выронил флаг и грохнулся на землю <...> Вслед за первыми выстрелами мы бросились на черносотенцев и стали вырывать у них трехцветные флаги <...> Бросившись на одного из знаменосцев, я после короткой борьбы вырвал у него трехцветный флаг, оторвал у него белую и синюю части и с таким импровизированным красным флагом стал на ступеньках лестницы <...> Часть трехцветных флагов черносотенцы, убегая, унесли с собой» [6, с. 310–311]. В начале схватки левых с «черной сотней» в Одессе внезапно раздались выстрелы, и несший икону юноша упал, убитый наповал [10, с. 271].

Со своей стороны черносотенцы, расправляясь с носителями революционной атрибутики, иногда проявляли поразительную жестокость. В Ростове-на-Дону 18 октября на площади перед городской тюрьмой произошло столкновение митингующих с черносотенцами. «Полицейские, черносотенцы и шпики, оказавшиеся на площади, набросились на демонстрантов, избивали их, ломали древки знамен. Одиннадцать человек было убито. Несколько человек были тяжело ранены. Погибла молодая работница Клара Рейзман, активная подпольщица, горячо преданная делу революции. Она была буквально растерзана жандармами и черносотенцами. Какой-то изверг воткнул ей в рот то самое древко знамени, с которым девушка пришла на площадь, к стенам тюрьмы ...» [8, с. 322].

Заслуживает внимания реакция обывателей на происходившие в те дни события. В зависимости от ситуации они с помощью соответствующей символики выражали поддержку той или иной стороне. По свидетельству очевидца, «когда демонстрация прошла через Дерибасовскую улицу, где тогда жила вся одесская знать, то на балконах появились красные ковры, платки и кое-где играли «Марсельезу» (через день, когда начался ужасный погром, то на этих же балконах висели уже царские флаги и портреты и музыка уже играла «Боже, царя храни») [8, с. 332].

В некоторых случаях демонстрация официальной монархической символики позволяла избежать нападения. Так, в ходе киевского погрома черносотенцы не трогали принадлежавшие христианам магазины, в окна которых владельцы выставили образа и царские портреты с национальными флагами [14].

В иных местах такой способ проявления лояльности еще больше озлоблял погромщиков. Например, в г. Балте Подольской губернии представители местной еврейской верхушки во главе с раввином пытались доказать свои верноподданнические убеждения погромщикам, поместив во главе шествия портрет императора рядом со свитками Торы. «При виде еврейской демонстрации с царским портретом и трехцветными национальными знаменами черносотенцы оцепенели от неожиданности. Затем в толпе раздались крики: «Как вы смеете погаными руками держать царский портрет!». Черносотенцы избили раввина и портретоносца, а свитки изодрали и втоптали в грязь [13, с. 99].

Характерно, что власти хорошо понимали роль политической символики в ходе массовых протестных акций. Позднее, весной 1906 года, хозяйка столичного политического салона А.В. Богданович отметила в своем дневнике, что на Пасху с домов были сняты флаги. Это первоначально породило слухи об убийстве кого-то из министров или смерти великого князя Михаила Николаевича. На следующий день выяснилось, флаги были сняты для предупреждения беспорядков. «...Молодежь хотела идти к местам заключения, поздравлять с праздниками, затем были попытки вывесить красные флаги» [1, с. 375].

Итак, можно констатировать, что политическая символика сыграла важную роль в ходе октябрьских погромов и столкновений 1905 года. Прежде всего, она позволяла антиправительственным и проправительственным силам декларировать свои политические цели, явилась эффективным средством идентификации, обеспечения солидарности, выступила мощным ресурсом мобилизации массовой поддержки. Проявила себя политическая символика в бурные октябрьские дни и как конфликтогенный фактор, однако при этом ее вряд ли стоит рассматривать в качестве основной причины октябрьского противостояния. Столкновения и погромы были вызваны целым комплексом социально-экономических, политических, межнациональных и межрелигиозных факторов. Острые конфликты вокруг символики явились лишь поводом, позволившим реализоваться более глубоким противоречиям, накопившимся в российском обществе начала XX века.

Библиографический список

1. Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1924. 503 с.
2. Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: автореф. на соиск. ученой степ. док. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. Санкт-Петербург, 2002. 29 с.

3. Кострикова Е.Г. Хроника революции 1905–1907 гг. События, факты, свидетельства, комментарии. Часть первая. 1905 г. Псков: ООО «Псковское возрождение», 2010. 224 с.
4. Материалы к истории русской контрреволюции. Погромы по официальным документам. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. Т. 1. 451 с.
5. Мицкевич С.И. Революционная Москва. 1888–1905. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1940. 493 с.
6. На баррикадах: Воспоминания участников революции 1905–1907 гг. в Петербурге / Институт истории партии Ленинградского обкома. Ленинград: Лениздат, 1984. 422 с.
7. Омелянчук И.В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.): монография. Киев: Академпресс, 2000. 167 с.
8. Первый штурм самодержавия. 1905–1907 годы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. В.В. Журавлева; сост.: Л.Г. Анохова, В.К. Гаврилина, А.И. Серeda. М.: Политиздат, 1989. 543 с.
9. Платонов О. Мифы и правда о погромах. М.: Яуза, 2005. 352 с.
10. Погромы в российской истории Нового времени (1881–1921). М.: Книжники, 2016. 397 с.
11. Размолодин М. Некоторые мысли по поводу т. н. «еврейских погромов» (к 105-летию со дня трагических событий). URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/razm_pogromy.php#_edn1 (дата обращения: 26.12.2022).
12. Русские ведомости. 1905. № 274 (19 октября).
13. Степанов С.А. Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 669 с.
14. Хитерер В.М. Еврейские погромы на Украине в октябре 1905 года. URL: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hit/erer.htm (дата обращения: 19.02.2025).
15. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М.: Современник, 1989. 559 с.
16. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. 286 с.

POLITICAL AND SYMBOLIC FACTOR IN THE OCTOBER CLASHES OF 1905

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article, based on a wide range of published sources, the works of modern researchers, examines the color, verbal, musical political symbols of the opposing forces of the left and right during the October clashes and pogroms of 1905. The important role of political symbolism is noted, which allowed anti-government and pro-government forces to declare their goals, ensure solidarity and mobilization of mass support. It is concluded that political symbolism, although it acted as a conflict factor, at the same time was not the main reason for the October confrontation, which was due to a deeper complex of contradictions that existed in Russia at the beginning of the twentieth century.*

Keywords: *political symbolism, vexillology, clashes and pogroms of 1905, revolutionary democratic movement, Black Hundreds.*

Об авторе:

ЛАВРИКОВ Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, истории, философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lavrikov@list.ru

About the author:

LAVRIKOV Sergey Vyacheslavovich – candidate of historical sciences, associate professor of the department of psychology, history, philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lavrikov@list.ru

УДК 351.75(470+571)

ОБНОВЛЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

О.И. Туманова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Туманова О.И., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-2-16-21

***Аннотация.** В статье рассмотрены ключевые аспекты обновленной Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной Указом Президента России от 28 декабря 2024 года № 1124. Новый документ не только определяет основные направления работы по профилактике и противодействию экстремистской деятельности, но и обозначает ключевые угрозы и вызовы государственной и общественной безопасности. Определение и фиксация внешних и внутренних угроз показывает четкое понимание деятельности, которая ведется против Российской Федерации и направлена на подрыв национальной безопасности, суверенитета и целостности страны.*

***Ключевые слова:** экстремизм, противодействие экстремизму, национальная безопасность, угрозы безопасности, традиционные ценности.*

Процесс формирования новой многополярной модели развития мирового порядка носит нестабильный и изменчивый характер. В данных условиях в качестве первоочередной задачи, стоящей перед государством, становится реализация такой политики, которая в первую очередь позволит обеспечить единство, равновесие и согласие внутри страны, а также защитить благополучие и безопасность граждан. На сегодняшний день наиболее актуальной проблемой в области обеспечения государственной и общественной безопасности и стабильности в современном мире является защита от угрозы экстремизма.

В качестве одного из ответов на растущее число вызовов, связанных с радикализацией общества, экстремистской и террористической деятельностью, может рассматриваться утвержденная Указом Президента России от 28 декабря 2024 года №1124 Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (далее – Стратегия). Обновленный документ стратегического планирования пришел на смену